

Нынешнее время, в общем-то жесткое и скупое, в одном весьма щедро — при раздаче эпитетов на юбилейных торжествах. В достопамятные советские времена строго блюли табель о рангах. Часто несправедливую, но, пожалуй, все же целомудренную. Так что вряд ли **Игорю Ильинскому** при жизни удалось бы услышать, что он великий, может быть, величайший русский актер XX столетия. Теперь, когда ему минуло сто лет, можно только пожалеть, что популярный нынче приз «За честь и достоинство в искусстве», выдаваемый иной раз просто за выслугу лет, по совокупности компромиссов, не вручают посмертно. Виртуозный комик, глубочайший трагик — Ильинский прожил долгую жизнь так, что ни об одном его поступке не приходится сегодня вспоминать, ссылаясь на сложные исторические коллизии. О годах работы с Ильинским вспоминает режиссер ТВ Юрий Сааков, снявший с ним несколько фильмов.

Юрий СААКОВ

Когда 30 лет назад отмечалось 70-летие Ильинского, юбилей застал «самого скучного после Зощенко человека», как назвал обожавший его В. Ардов, в разгар съемок телевизионного фильма «Эти разные, разные, разные лица», где по моей сценарной и режиссерской прихоти актер изображал сразу два с половиной десятка чеховских персонажей, в том числе один женский, средних лет.

...В окрестностях Звенигорода, где шли съемки, актер послушно трудился даже в день юбилея и только к вечеру попросил опустить его в родное Внуково.

— Ну, как справили? — полюбопытствовали мы на следующий день, когда юбиляр, ничуть не опоздав, явился на съемку.

— Посидели, попили чайку...

И это внуковское чаепитие, с двумя-тремя домашними, замешанное положенным в таких случаях юбилейным спектаклем с последующим за ним чествованием, подтвердило не слишком большое преувеличение ардовского сравнения.

Вредный помощник

Когда «самому скучному» стало совсем худо после постановки о нем в журналах «Звезда» и «Ленинград», второй по «скучности» человек предложил ему материальную помощь.

— Но Зощенко отказался, — сказал Ильинский, когда мы делали с ним программу, которая так и называлась: «Ильинский о Зощенко». — И знаете почему?

— Из гордости?

— Да бросьте вы! — Ильинского даже обидела моя недогадливость. — Какая уж там гордость, если человека несколько лет ни издают, ни переиздают. «Спасибо, — сказал Михаил Михайлович... — но боюсь, Игорь, что ваша помощь мне только навредит. Я привык уже обходиться бутылкой молока и булкой хлеба в день. И если нарушу этот свой минимум, то вернусь к нему уже не смогу...»

О включении этого эпизода в фильм (в нем Ильинский не только читал Зощенко, но и вспоминал о нем) не могло быть и речи. Не устроило тогдашнее теленаучество и то, что было снято.

— Однажды, — рассказывал писатель Ильинскому, — я возвращался из затора на электричке. Время было вечернее, но свет еще не зажал, и сидевшие напротив меня двое мужчин не могли меня узнать в умственно надвинутой на глаза кепке. И вдруг слышу, один говорит:

— Эх, Зощенко! Говорят, начал уже каяться...

— И если до этого, — признался писатель, — у меня нет-нет да возникало желание публично, как это было принято, «осознать» свои ошибки, то теперь оно окончательно отпало...

И Хлестаков, и Городничий

В начале 50-х один и тот же Ильинский играл на сцене Малого (я очерел) то Хлестакова (иногда четвертьвековой стаж в этой роли!), то Городничего. Постепенно актер окончательно запутался в определении своих физических данных: то садился перед спектаклем с Хлестаковым на строжайшую диету, то, перед спектаклем с Городничим, для которого был недостаточно тучен, неуверенно, вопреки предостережениям врачей о вредности таких «скачков», набирал вес.

Доходило до курьезов: играя Хлестакова, актер привык после четвертого акта, гениально отыграв сцену вранья и не дожидаясь — через акт! — финальных аплодисментов, уходить домой. Однажды он отыграл те же четыре акта, автоматически надел пальто и направился к выходу, где в последний момент был остановлен насмерть перепуганным помрежом:

— Куда же вы, Игорь Владимирович? Вы же сегодня Городничий!

Эта путаница укрепила актера в мысли воспользоваться возможностями давно уже (после Бывалова) забытого о нем кинематографа и сделать в нем то, что невозможно в театре: сыграть Хлестакова и Городничего одновременно. Такой эксперимент он предложил режиссеру В. Петрову, снимавшему тогда фильм «Ревизор». Но создатель «Петра I» и «Сталинградской битвы» предпочел с классикой не рисковать и развести все-таки Городничего и Хлестакова между маститым Ю. Толубеевым и никому тогда не известным, не артистом даже И. Горбачевым. Последний, правда, не ударил лицом в грязь...

Но не о нем, ставшем потом и «Народным» и даже руководителем «Александринки», писал В. Катаев:

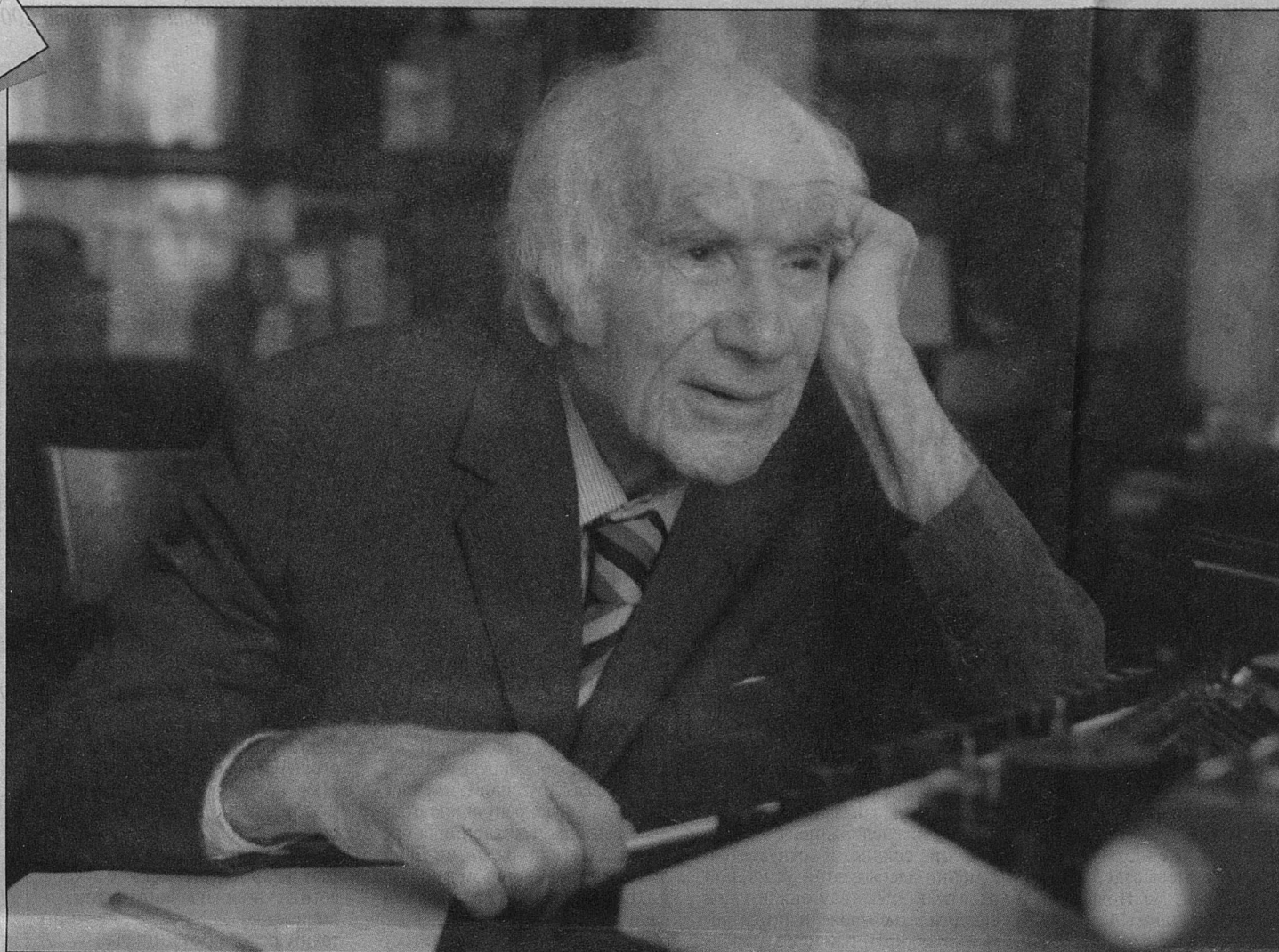
«Все русские классические дураки, начиная с Митрофанушки и кончая персонажами Зощенко, как бы сконцентрировались в образе Хлестакова работы Ильинского».

«Бейте его!»

Впрочем, сколько бы мы ни вспоминали о сценических и экранных трансформациях Ильинского, не в них сила великого актера. ...Еще в 20-х годах В.С. Мейерхольд дарит ему свой портрет с безоговорочным «Если не вы первый, то кто же?». Тем не менее — и это уже стало театральной легендой — отношения «первого» и Мастера складывались на редкость противоречиво. Вплоть до громкого «товарищеского» процесса, который устроил Мейерхольд над Ильинским: так стала выводить его из себя самостоятельность артиста. То сотрет непонятную ему надпись на чайнике «Лес», с которым Аркашка путешествует из Керчи в Вологду — и обратно. То перед самым выходом на сцену, когда Мастер уже не в силах что-то изменить, стащит напуганный зачем-то на голову Аркашки арко-зеленый парик. Даже строптивый, не любившийся расставаться с С. Эйзенштейном И. Пырьев не позволял себе тогда и послушно, в не менее зеленого парике, изображал любовника Гурмыжской, Буланова.

Но все бы в таком «показательном процессе» обошлось — не ахти какие прегрешения допускал «если не первый, то кто же?». Как вдруг один из «общественных обвинителей», желая пограбить «шефу», оскорбил Ильинского словами, за которые, как утверждал артист в свое оправдание, «или сразу ведут к прокуратуре, или так же незамедлительно отвечают физическим воздействием». Ильинский, неплохой спортсмен (о его физподготовке при выполнении кинотрюков ходили легенды), предпочел второе. И в уважаемом театре началась нештучная потасовка, которую по-режиссерски организовывал зычный глас руководителя ГОСТИМА: «Бейте его, он ударил сына на крестьянина!» Бить в данном случае предполагалось любимого ученика...

Но в 1934 году, когда мало кто, даже из «любимых», решился

Скучнее Ильинского был только Зощенко

публично поздравить с шестидесятилетием обвиненного в формальных грехах Мейерхольда, именно Ильинский пишет статью «Моложе молодых», где берет под защиту мейерхольдовские достижения в театре.

А в 1955-м является в Комиссию по реабилитации Мейерхольда и в меру своих сил доказывает невиновность Мастера.

Однако не все, как рассказывал мне один из Кукрыниксов, Н. Соколов, повели себя на этой Комиссии однозначно. Нашлись и такие (в количестве двух, очень даже уважаемых персон), которые и тогда, в 55-м, продолжали настаивать на виновности своего Учителя. Во всяком случае не отрицали его «японское шпионство» так категорично, как Ильинский и Соколов.

И когда на разрешенном накануне в 1974 году столетнем юбилее Мастера доклад о нем вызвал делать герой-любовник знаменитой мейерхольдовской «Дамы с камелиями» М. Парев, Ильинский неожиданно поднялся в зале и спокойно, даже «скучновато» для такого серьезного заявления, сказал Пареву:

— Доклад о Мейерхольде ты делать не можешь!

И директору Малого, главе Всесоюзного театрального общества, пришлось подчиниться. Можно представить после этого отношения двух бывших мейерхольдовцев.

Будем «народными»!

Когда вскоре отмечался еще один юбилей, самого Малого (Дому Островского стукнуло 150), задолго до торжества в его стенах в предвкушении неминуемых званий и наград царил необычайное оживление.

— И вот подходит ко мне Шатрова (тоже артистка от Бога! — Ю.С.) и почти с «блочкинским» недоумением в глазах говорит, — рассказывал мне Ильинский, — «Подумайте, Игорь Владимирович! (она назвала двух известных тогда, даже популярных «народных республик»). Они носят же по театру и кричат: «Мы будем Народными СССР!» И уж совсем шепотом, с тем же «блочкинским» ужасом в глазах (Ильинский уморительно его изображал. — Ю.С.): «Вы меня простите, Игорь Владимирович, но это же проститутки!»

«Проститутки» действительно стали «народными», Ильинский для отписки тоже что-то получил, а вот его жена, актриса Т. Еремеева, осталась ни с чем: директор театра, не сделавший доклад о Мейерхольде, ничего не забывал...

— Как он сюда попал? Кто он такой?

Наконец, человек, отвечающий, видимо, за то, как я тут «попал», в отчаянии пояснил:

— Это актер Ильинский, товарищ Сталин, который только что

Бывалова в «Волге-Волге».

Картина сразу привлекла внимание вожжа к актеру, который уже 20 лет был известен всем, кроме него, не любившего, видимо, как назвал Станиславский Ильинского, «актеров-шалунов».

— А, товарищ Бывалов! — красиво повествует об их первой встрече в Кремле Александров. — И Сталин пошел к приглашенному актеру. «Ну что же, вы бюрократ, и я бюрократ, мы с вами пойдем друг друга. Пойдемте, побеседуем...» И повел «товарища Бывалова» к столу.

Мне, однако, Ильинский рассказывал об этом по-другому:

— А это кто такой? — показал Сталин на него в группе актеров.

— Известный артист Ильинский, товарищ Сталин! — засуетился свита.

— Кому известный? Мне неизвестный.

— Я, — рассказывал Ильинский, неподражаемо воспроизводя (куда там М. Геловани и прочим «сталинистам») сталинские интонации и жесты, — попытался объяснить, кто я есть.

Но Сталин не слушал и уже гневно спросил:

— Как он сюда попал? Кто он такой?

Наконец, человек, отвечающий, видимо, за то, как я тут «попал», в отчаянии пояснил:

— Это актер Ильинский, товарищ Сталин, который только что

так удачно сыграл в «Волге-Волге» товарища Бывалова.

Тут Сталин сразу расплылся в улыбку, принес актеру тысячи извинений, и последовало, наконец, то, о чем так красиво писал стоявший, выдать, тут же, но не заикнувшийся о своем герое раньше положенного Г. Александров.

Сталин подвел актера к столу, где сидели сразу две красавицы, Е. Гоголева и Н. Шпиллер, и предложил им составить компанию «товарищу Бывалову». Первой «красавице» вожж только милостиво улыбнулся, а ко второй отнесся более критически:

— У вас, товарищ Шпиллер, плохо пока звучит верхнее «до». Вам нужно поработать над верхним «до».

Шпиллер встала, поблагодарила вожжа за справедливое замечание и обещала поработать над верхним «до».

Ильинскому, по мнению вожжа, «работор» было, видимо, не над чем, и когда оба «бюрократ» до конца поняли друг друга, от Главного посыпались приглашения за приглашениями.

Куда закатилась пуговица?

На одном из Кремлевских приемов артист читал рассказ Чехова, но все во главе со Сталиным пили,

ели и, как ему казалось, недостаточно наслаждались музыкой чеховского слова. Актера это смущало, даже пугало, от волнения он все время вертел на пиджаке среднюю пуговицу. Где-то в середине рассказа довертелся до того, что пуговица отскочила и запрыгала по сцене. Актер в ужасе — не дай Бог, не туда закатится! — следил за ней глазами, пока совсем не потерял из вида. Когда кончил читать и сошел со сцены, к нему подошел молодой человек в штатском:

— Что это вы все время высматривали?

...Последний раз Ильинский видел Сталина в 52-м на концерте по случаю завершения XIX партсъезда. Во время выступления Ансамбля п/р Александрова к его руководителю не очень уже трезвой походкой подошел К. Ворошилов и попросил исполнить «Яблочко»... по личной просьбе товарища Сталина. И что-то прошептал на ухо автору «Гимна» и «Священной войны». Тот кивнул и не давал знак к началу «Яблочка», пока рядом с ним не встал Сталин и, на удивление делегатов съезда, не дожидаясь аккомпанемента, запел:

Эх, яблочко,
куда котилась?
В Губчека попадешь —
не воротилась!

— В Губчека попадешь — не воротилась! — мощно, с воодушевлением подхватил вожжа прославленный ансамбль.

«Скажите — Глупышкиных...»

Это все из области «шютот». Но вспоминается и грустное.

Вернувшись с похорон Л. Орловой, Ильинский признался: — Держался до последнего... пока не вспомнил, как, знакомясь на «Волге-Волге», Любовь Петровна сказала: «Могла ли я подумать, когда подрабатывала в молодости тапером в кино, старательно озвучивала хождения ваших уморительных немых героев («Скажите — Глупышкиных», — добавил я самокритично), ваших милых немых Глупышкиных, что когда-нибудь сама встречусь с Ильинским на экране!»

Если Орлова, ко времени «Волги-Волги» ставшая звездой, бывшая, в отличие от Ильинского, и «заслуженной» и «орденоносной», считала за честь сняться с таким партнером, можно представить, какой популярностью пользовался незаслуженный и неорденоносный Ильинский!

Даже столпы МХАТа не могли не оценить его таланта. В. Немирович-Данченко, камня на камне не оставив от мейерхольдовского «Леса», нашел игру Ильинского в нем «прекрасной». Несмотря на то что принимаясь во МХАТ, Ильинский заявился в кабинет Немировича с тростью в руках.

— Тросточку могли бы оставить и у швейцара, — поморщился «основатель».

«Во МХАТе все ходили на цыпочках, — вспоминал Ильинский, — и я походил с месяц на цыпочках, не получил никакой работы, только обещали все дать роль одного из шести сидящих на заборе в «На дне» с целыми тремя словами: «Эх! Эх! Эх!». Так романа Ильинского со МХАТом и не произошло.

Надо отлечь должное Э. Рязанову: он не прекращал попыток вернуть Ильинского на экран. И в «Гусарской балладе» снял буквально детективным образом. В обход начальства, не верящего в Ильинского-Кутузова

А когда до 150-летнего юбилея войны 1812 года, которому и был посвящен фильм, оставались считанные дни, менять Ильинского было так же нереально, как возвращать зеленый парик на голову Аркашке, который он принципиально, не боясь гнева Мастера, сбрасывал перед самым выходом на сцену. Да и не нужно: Ильинский-Кутузов был, как известно, неподражаем!

Самая скучная планета

На Западе провозжат актера в последний путь аплодисментами давно уже стало традицией. У нас же до января 1987 года, когда хоронили Ильинского, это не «практиковалось», и великих актеров, как простых смертных, провожали в последний путь гробовым молчанием. Рязанов первым нарушил его и зааплодировал. Вслед за режиссером весь Малый поднялся и устроил овацию тому, кто прослушал на его сцене без года полвека.

Последнюю просьбу «скучного человека» так и не «уважили». За несколько лет до собственного ухода он отказался от места на Новодевичьем в пользу урны с прахом художника В. Комаренкова, с которым проработал в театре много лет. Желание артиста исполнили... но и сам он покоится там же, на Новодевичьем.

А где-то высоко над ним летает самая большая «малая» планета Солнечной системы — аж 20 км в диаметре! — «Игорь Ильинский».

«Игориады»... Серафима Огурцова

Чтецкая деятельность Ильинского феноменальна. В зените театральной и кинематографической славы, снимаясь в «Празднике святого Иоргена», первый комик страны выходит на сцену с чтением «Ста-

росветских помещиков» Гоголя и «Истории Карла Ивановича» из толстовского «Отрочества».

Пресса, даже серьезная, встретила такую метаморфозу недолго, остальные — вообще в штыки:

«Обманул Ильинский, — возмущалась последняя. — Да, обманул! И не только зрителей, но и самого себя. Еще пара таких «выступлений», и конец популярности Ильинского. Зритель доверчив, но злопамятен».

Статька называлась «Игориада или халтурада». И кончалась совсем трезно: «В публике шум негодования, пронзительный свист: «Долой Ильинского со сцены пролетарского театра! Передать дело в прокуратуру!»

Автором статьи-вопля значился некий Серафим Огурцов. Четверть века спустя, в «Карнавальная ночь», Ильинский изобразил наследника Бывалова с такими же фамилией и именем. При этом ни сном ни духом ни он, ни авторы фильма не ведали, что у их героя существовал когда-то реальный однофамилец и даже тезка. Каково же было удивление актера, когда, садясь за мемуары и погрузившись в огромную, посвященную ему за сорок лет прессу, он обнаружил эту «огурцовскую» статью!

Вслед за Гарри Купером...

К сожалению, дистанция между Огурцовым и породившим его Бываловым оказалась огромного размера — почти 20 лет. И, наверстывая упущенное в творчестве артиста, Э. Рязанов стремится снимать Ильинского еще — теперь в совершенно экзотичном, хотя и положительном образе 150-летнего дикаря несуществующего племени «тапи», попадающего в Москву в «Человеке ниоткуда».

Соскучившись по истинной, да еще «положительной» экзотике, Ильинский ради своего чудака-«тапи» отказывается в последний момент от другого, хотя и цивилизованного чудака — американского миллионера Скотта в фильме Г. Александрова «Русский сувенир», где на него уже были пошиты «миллионерские» костюмы.

Смешной, как и все в этом фильме, американец Скотт (перед Ильинским от него успел уже отказать Гарри Купер!) принес бы актеру успех, но и рязановская затея с «тапи» не состоялась. Ильинского, который был в два с половиной раза моложе своего 150-летнего героя, сочли все-таки недостаточно «молодым» и заменили С. Юрским.

Не учли даже, что почти 60-летний актер мог запросто, за 35 лет до сделавшего это Полунина в рязановском же фильме «Привет, дуралей!», забраться на памятник Юрию Долгорукому и корчить оттуда москвичам уморительные «дикарские» рожи.

Надо отлечь должное Э. Рязанову: он не прекращал попыток вернуть Ильинского на экран. И в «Гусарской балладе» снял буквально детективным образом. В обход начальства, не верящего в Ильинского-Кутузова

А когда до 150-летнего юбилея войны 1812 года, которому и был посвящен фильм, оставались считанные дни, менять Ильинского было так же нереально, как возвращать зеленый парик на голову Аркашке, который он принципиально, не боясь гнева Мастера, сбрасывал перед самым выходом на сцену. Да и не нужно: Ильинский-Кутузов был, как известно, неподражаем!

Самая скучная планета

На Западе провозжат актера в последний путь аплодисментами давно уже стало традицией. У нас же до января 1987 года, когда хоронили Ильинского, это не «практиковалось», и великих актеров, как простых смертных, провожали в последний путь гробовым молчанием. Рязанов первым нарушил его и зааплодировал. Вслед за режиссером весь Малый поднялся и устроил овацию тому, кто прослушал на его сцене без года полвека.

Последнюю просьбу «скучного человека» так и не «уважили». За несколько лет до собственного ухода он отказался от места на Новодевичьем в пользу урны с прахом художника В. Комаренкова, с которым проработал в театре много лет. Желание артиста исполнили... но и сам он покоится там же, на Новодевичьем.

А где-то высоко над ним летает самая большая «малая» планета Солнечной системы — аж 20 км в диаметре! — «Игорь Ильинский».